

*На правах рукописи*

**Чжэн Луянь**

**ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ  
В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО  
(В СВЕТЕ ИДЕЙ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ)**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

**АВТОРЕФЕРАТ**  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Иваново – 2015

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

**Научный руководитель:** доктор филологических наук, доцент  
**Тамаев Павел Михайлович**

**Официальные оппоненты:** **Николаева Евгения Васильевна**  
доктор филологических наук, профессор  
ФГБОУ ВПО «Московский педагогический  
государственный университет»,  
профессор кафедры русской литературы

**Красносельская Юлия Игоревна**  
кандидат филологических наук  
ФГБОУ ВПО «Московский государственный  
университет им. М.В. Ломоносова», препода-  
ватель кафедры истории русской литературы

**Ведущая организация:** ФГБОУ ВПО «Курский государственный уни-  
верситет»

Защита состоится 21 января 2016 года в 10.00 часов на заседании диссертаци-  
онного совета Д 212.062.04 при ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный  
университет» по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 37, ауд. 403.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВПО  
«Ивановский государственный университет»:  
[http://ivanovo.ac.ru/index.php?option=com\\_k2&view=item&layout=item&id=160](http://ivanovo.ac.ru/index.php?option=com_k2&view=item&layout=item&id=160)

Автореферат диссертации разослан «\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2015 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета  
доктор филологических наук, проф.



Е. М. Тюленева

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Среди всего многообразия написанного о Льве Толстом есть один сквозной сюжет, порождающий критические и литературоведческие дискуссии: как соотносятся в масштабе «явления Толстого» художник и мыслитель? Очевидна принадлежность Толстого к типу писателя-философа, стремящегося отыскать «корень» всех мировых явлений, свести их – при всей сложности и многообразии – к «единому», собрав тем самым религию, нравственность, философию в новое синтетическое учение, имеющее практический смысл. Но так же хорошо известен и драматизм этих поисков<sup>1</sup>, приводивший писателя к духовным кризисам, радикальным переоценкам сделанного, тотальной «мессианской» критике всех общественных институтов и беспощадному саморазоблачению перед лицом некоей Абсолютной Истины. Чаще всего эта внутренняя духовная коллизия воспринималась и истолковывалась критикой как своеобразное раздвоение, причем неравноценное. Тем не менее уже современников поражали масштаб личности Толстого и универсализм его интересов, его стремление учиться у мудрецов прошлого и на этой «энциклопедической» основе выработать свое, итоговое, учение. В связи с этим важно подчеркнуть, что, несмотря на все «перевороты», «воззрения Толстого не распадаются на такие периоды, которые противоречили бы один другому. Время работало на один и тот же комплекс идей, усиливая его, а не на разные»<sup>2</sup>. Толстой и един, и внутренне разделён одновременно – а значит, есть то общее, что вбирает в себя противоречия, позволяя разным устремлениям личности и конфликтовать, и обогащать друг друга.

Философское мировоззрение Толстого и его художественное мышление не просто обладают внутренней связностью, но представляют собой *единый эволюционирующий интеллектуально-образный космос*, в разные периоды творческой деятельности дающий свои плоды в различных сферах практической реализации. Как пишет А.В. Гулин, «именно напряженность и масштаб всего происходящего в духовной сфере сообщили философии Толстого ее определяющий, «несущий» характер по отношению к жизни и творчеству художника»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См., напр.: «Конфликт между разумом и чувством, индивидом и обществом, природой и цивилизацией, личным "Я" и социальным окружением, в котором оно находится, или "Не-Я", проходит через все творчество Толстого. Он лежит в основе и духовного кризиса Толстого и его нравственно-религиозного учения» (Рачин Е.И. Истоки и эволюция мировоззрения Л. Толстого. Дис. ... д-ра филос. наук. М., 1997. С. 14).

<sup>2</sup> Сухов А.Д. Философ ли Толстой? // История философии. 1999. № 4. С. 190.

<sup>3</sup> Гулин А.В. Л.Н. Толстой: духовный идеал и художественное творчество: 1850–1870-е годы. Дис. ... д-ра филол. наук в форме научного доклада. М., 2004. С. 3.

С подобной точки зрения, соединяющей далеко отстоящие друг от друга периоды творческих исканий – раннюю военную прозу 1850-х годов и изучение философии Востока десятилетиями позже, – оказывается возможным по-новому увидеть, казалось бы, хорошо изученные произведения. При этом особый интерес представляет первый период литературной деятельности Толстого, 1847–1862 годы: время его вхождения в литературу, становления мировоззрения и художественного метода. Уже здесь можно увидеть не только подлинную самобытность таланта, но и художественную антропологию Толстого, единое, но «подвижное основание» (сопряженность человека со *Всем*, т.е. бытием в его «текучести»)<sup>4</sup> всего творческого пути писателя и философа.

«Мысль военная» в творчестве Толстого – это не столько тематическое единство, сколько особое состояние мира и человека, резко проявляющее многие скрытые стороны и качества, своеобразный «момент истины». В «Войне и мире» отчетливо сформулировано: война – «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие». Единство толстовского мира позволяет увидеть, как рождается подобная философская максима из идейно-художественного поиска предыдущего десятилетия.

Минимум прямого авторского философствования в ранних художественных текстах при наличии единого «подвижного основания» всего творческого пути означает, что оно воплощено в образной, а не понятийно-логической форме. Сопряженность человека со *Всем* – универсальная константа этого творческого космоса. И, подобно тому, как в «Войне и мире» открываются многочисленные переключки с позднее освоенной древнекитайской философией, в ранней военной прозе писателя, увиденной под углом художественной антропологии, т.е. в специфическом философско-эстетическом ракурсе (художественный образ как мысль о человеке и жизни в целом), обнаруживается подобное сходство. Художественная антропология Толстого раннего и зрелого периодов имеет общее основание, а позднейшее освоение восточной философии связано именно с уточнением, прояснением, развертыванием этого основания.

Исходя из этого уже укрепляющегося в науке представления о едином бытийно-антропологическом основании всего толстовского наследия, мы имеем право построить исследовательскую проекцию древнекитайской философии (столь полюбившейся Толстому позднее в силу своего онтологизма и морализма) на раннее творчество писателя в той его части, которая связана с военной тематикой и проблематикой. Данная проблематика относительно нова и рас-

---

<sup>4</sup> Сливацкая О.В. «Истина в движенъи»: О человеке в мире Л. Толстого. СПб.: Амфора, ТИД «Амфора», 2009. С. 8–18.

крывается в науке преимущественно в двух аспектах: 1) культурные связи и взаимовосприятие Толстого и Китая, Японии, Индии, т.е. то, что относится больше к истории культуры; 2) использование Толстым в поздний период творчества отдельных положений из учений Лао Цзы, Конфуция, Мо-цзы как составных элементов собственной «синтетической» религиозной философии. Более глубокие сопоставления (проекции китайской философии на художественное творчество Толстого) редки,<sup>5</sup> носят эпизодический характер, и мы надеемся своей работой закрепить новый, третий аспект этой проблематики.

Итак, **актуальность** и **новизна** нашей работы заключаются в том, что в ней впервые на основе представления о единстве *интеллектуально-образного космоса* Толстого осмысливается его ранняя военная проза и проводится глубокое сопоставление фундаментальных принципов толстовского мироздания (философски воплощенных в поздний период, но проявившихся в художественных текстах намного раньше) с идеями древнекитайской философии, которые поздней Толстой неоднократно признавал важнейшими для своего учения.

**Цель** диссертационного исследования – показать, что военная тематика и проблематика ранней прозы не просто имеют глубокую укорененность в философско-эстетических исканиях, но и развертывают единую «художественную антропологию» писателя и в этом аспекте объясняет позднейший интерес Толстого к древнекитайской философии.

Данная цель конкретизируется в постановке исследовательских **задач**: 1) рассмотреть основные нравственно-философские принципы Толстого в аспекте единства его творческих исканий; 2) показать и обосновать внутреннее сходство этих принципов с идеями древнекитайской философии; 3) показать своеобразие философского понимания и художественного изображения военной темы в ранней прозе Толстого; 4) сопоставить толстовское понимание военного человека, его характера, судьбы с постулатами древнекитайской философии.

**Предмет** исследования – основные принципы понимания и изображения человека на войне в ранней прозе Толстого и связь этих этих принципов с единым нравственно-философским основанием толстовского мироздания, созвучного, в свою очередь, идеям древнекитайской философии. **Объектом** исследования стали не только военная проза Толстого, но и его этика, эстетика, жизненные искания, литературные устремления, его характерология.

---

<sup>5</sup> См., напр.: Ван Ланьцзюй. Система образов романа Л.Н. Толстого «Война и мир» в свете идей китайской философии». Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2013.

**Материалом** исследования послужили военная проза Толстого 1850–1860-х годов Толстого, незавершенные сочинения, черновые редакции и варианты, наброски, публицистические опыты, дневники, письма писателя, а также классические тексты мудрецов Древнего Китая.

**Теоретико-методологическая база** работы сформирована на основе фундаментальных работ классиков советского литературоведения и современных исследователей Толстого: Н.К. Гудзия, Б.М. Эйхенбаума, Б.И. Бурсова, Я.С. Билинкиса, М.Б. Храпченко, Е.Н. Купреяновой, Л.Д. Громовой-Опульской, Г.Я. Галаган, С.Г. Бочарова, Н.И. Бурнашевой, О.В. Сливицкой, Д. Орвин и др. – а также исследований философско-религиозных исканий писателя (Ю.Н. Давыдова, Е.И. Рачина, А.В. Гулина, Б.И. Мардова, А.Д. Сухова и др). Особую роль играют работы межкультурного характера, устанавливающие глубокую связь толстовского жизнепонимания и творчества с миром восточной культуры (А.И. Шифмана, Т.П. Григорьевой, К. Рехо, В. Ланьзюя и др.).

**Методологической основой** диссертации стали методы и приемы системно-типологического исследования. Применяются также историко-генетический метод и принципы ретроспективного анализа, необходимые для обоснования проекции поздней философии Толстого на его раннее творчество и сопоставления результатов этой проекции с идеями древнекитайской философии.

**Теоретическая значимость** работы заключается в опыте систематики нравственно-философских оснований толстовского мироздания на примере ранней военной прозы и в межкультурном сопоставлении.

**Достоверность и объективность выводов** данного исследования основана, прежде всего, на результатах анализа как военной темы, ведущей в творчестве молодого Толстого, так и всего массива идейно-эстетических представлений писателя, а также накопленном опыте изучения и интерпретации древнекитайской философии, столь значимой для самого Толстого.

**Практическая значимость** исследования состоит в возможности использования его результатов при подготовке курсов лекций по истории русской литературы XIX – XX вв., спецкурсов по проблематике, связанной с осмыслением художественных исканий русских писателей середины XIX века, а также курсов и спецкурсов, связанных с межкультурной проблематикой.

#### **Основные положения, выносимые на защиту:**

1. Философское мировоззрение Толстого и его художественное мышление не просто обладают внутренней связностью, но – при всей конфликтности и противоречиях – представляют собой единый эволюционирующий интеллектуально-образный космос. Соответственно, в раннем творчестве писателя можно

увидеть его художественную антропологию, единое, но подвижное основание всего творческого пути писателя и философа. Единство толстовского мира позволяет проследить, как рождаются его главные принципы (в том числе и понимание войны как «противного человеческому разуму и всей человеческой природе события») из идейно-художественного поиска раннего периода.

2. Сопряженность человека с бытием, «интуиция *Всего*» – универсальная константа творческого космоса Толстого. Художественная антропология Толстого раннего и зрелого периодов имеет общее основание, а позднейшее освоение восточной философии связано именно с уточнением, прояснением, развертыванием этого основания. Общим «фундаментом» можно назвать универсальное отношение человека к бытию (онтологизм), пантеистическое чувство «единства жизни» и естественное стремление к добру, прямую связь экзистенциального и морального, «философию морального усовершенствования» как практический вклад человека в «дело» бытия, что позже приведет к попытке создания универсальной религии.

3. Религиозно-философский синтез Толстого – модернизаторская попытка глобальной Встречи цивилизаций на общечеловеческой основе, поэтому заимствованные им из китайской философии идеи встречаются с его собственными, проистекающими из похожего холизма (представления о целостности мира). Общими является не только исходная философская интуиция Целого, но и телеология – объяснить мир и человека без потери целостности, в том числе в ее человеческом (этическом) измерении, противопоставив буржуазному прогрессу и цивилизации «вечное» учение. Общее основание и цель – основной принцип использования Толстым идей китайской философии; при этом Толстой, как модернизатор, использует ее выборочно и в произвольных сочетаниях.

4. Давая оценку войне, Толстой руководствуется своим универсальным отношением к бытию, и вся военная характерология основана на едином принципе соотнесения персонажа с «естественным» или «искусственным» началами жизни. Уже в ранней прозе Толстой исходит не столько из сословно-аристократических мировоззренческих представлений, сколько из общечеловеческих этических принципов, соединенных с непосредственным «чувством жизни» и патриархальной «народностью». Этот «корневой», а не внешне-социальный подход к бытию и сближает его с древнекитайской философией, посвященной осмыслению самих основ жизни человека в мире.

5. У толстовской характерологии (как и у всего остального) есть не только четкий нравственно-философский фундамент, но и главный принцип различения – «отрицательный» (фиксация того, насколько в человеке нарушено чело-

веческое). Этот контраст природного (естественного) и социального хорошо известен китайской философии. Положительные герои ранней прозы чужды эгоистического карьеризма и близки к жизни по закону дао, обращенному не на внешнее, а на внутреннее в человеке.

6. Тема смерти является одной из ведущих в творчестве молодого Толстого. Художественное моделирование смерти – это моделирование жизни, у которой четко обозначена граница, что позволяет поставить главные вопросы человеческого существования. Изображение поведения героя в «пограничной ситуации» позволяет автору показать отличие истинной добродетели от ложной. Встреча со смертью обнажает существо человека, и фундаментальное основание в решении всех вопросов – ориентация на «естественные» начала жизни.

7. В повести «Казачьи» (1863), постигая наедине с природой счастье жизни, Оленин естественно приходит к тому представлению о жизни, которое Толстой сделает смыслом своей деятельности (путь всеобщей любви, который Толстой потом с восхищением откроет для себя в китайской философии). Однако желание современного героя «испытать жизнь в ее безыскусственной красоте» утопично, «естественная жизнь» и современный герой трагически несовместимы, их сближение требует поиска общих оснований.

Диссертация соответствует паспорту специальности 10.01.01 – Русская литература, в частности следующим его пунктам: п. 3 – История русской литературы XIX века; п. 7 – Биография и творческий путь писателя; п. 8 – Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве.

**Апробация** работы. Материалы диссертации были представлены на конференциях «Молодая наука в классическом университете» (ИвГУ, 2012, 2013, 2014, 2015), «Мир без границ. Международная научно-практическая конференция, посвященная 30-летию кафедры практического русского языка» (ИвГУ, 2012).

**Структура** работы отвечает поставленным задачам. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

## **ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ**

Во Введении ставятся цель и задачи исследования, обосновывается выбор объекта и предмета.

**Глава I. Нравственно-философские принципы Л.Н. Толстого. Толстой как «модернизатор» мировой мудрости.** В первом разделе «Философская

**вера» и «художественная антропология» Л.Н. Толстого»** используется ретроспективный анализ, так как единый интеллектуально-образный космос мировоззренческих, этических и эстетических координат формируется рано, однако отношение к бытию еще теоретически не систематизировано.

Философская теория всегда имела для Толстого подсобное значение обоснования духовной и жизненной практики, т.е. истинного образа жизни. Обретение веры в глубоко зрелом возрасте было отказом не от своей глубинной сущности, а от неподлинности «суеты», в которую погружен человек. Источником и критерием нравственного опыта, который призван связать главные принципы учения с жизнью, служила беспощадно и постоянно анализируемая во всех ее аспектах собственная физическая, душевная и духовная жизнь – Толстой сам был своим неподкупным судьей, философски осмысляя собственный путь как общечеловеческий. «Громадность содержания» (А. Белый), универсальное и в то же время глубоко личностное отношение к бытию, единство религиозно-философских принципов и личного опыта определяют особый статус толстовской философии. Многие герои Толстого наследуют и воплощают главную авторскую интуицию, т.е. «человек Толстого» как писателя-философа обнаруживается в той же ситуации непосредственного контакта с бытием в его данности и непостижимости. Философия, религия, литература, личная этика, общественные взгляды и т.д. – всё у Толстого базируется на этом «подвижном основании». Универсальное отношение к миру и человеку в нем трудноуловимо в понятийные сети: оно легко оборачивается и эмоциональной исповедальностью, и беспощадным рациональным самоанализом (дневники и письма), и экзистенциальными прозрениями самого автора и его героев, и религиозными откровениями, и интеллектуальными конструктами «теории». Сами по себе, взятые как единичные факты и даже в рамках той или иной рационально-идеологической системы (например, этической или эстетической), детали этого универсального отношения могут и противоречить друг другу, особенно если мы говорим о Толстом до и после духовного переворота, однако «подвижное основание» никуда не девается. Более того, записывая наиболее ранние воспоминания, сам Толстой подчеркивает единство и непосредственность бессознательно-детского и бытийного, именно на таком примере развертывая общий закон пребывания человека в мире. Самое главное у Толстого стягивается к истоку, к тайне рождения человека в мире, отделения от мира – и пребывания в жажде возвращения к нему на новом, личностном, сознательном уровне. Поэтому «потеря особености», которую испытывал Оленин в повести «Казачья» – это возврат «человека цивилизации» к природе, «растворение» эгоцентризма личности в могу-

чем чувстве бессознательно-стихийного бытия. «Интуиция Всего» выступает, таким образом, как философская модель этого чувства.

Толстовские поиски истины всегда имеют основу, которую можно назвать «органической», и в ней корни раннего толстовского пантеизма, из которого потом выросла (но от которого не оторвалась окончательно) религиозная философия позднего Толстого. Поздний Толстой продолжает размышлять о мире и человеке на той же «органической» основе, только глубже осознавая внутреннюю конфликтность и вместе с тем единство человеческого удела. «Органический» пантеизм преодолевается как идея (добро и любовь возникают в духовном делании, преодолевающем телесное), но остается основой понимания человека. Важно осознавать целостность толстовского мира и преемственность его ведущих принципов при всей изменчивости конкретных идей.

Молодой Толстой изображает поиски юношей или молодым человеком своей дороги в жизни, но занят не сиюминутными интересами, а попытками соединить высокие мысли, которые вырабатывались в нем с начала сознательной жизни, с высоким практическим делом. И в дневниковом самоанализе этого периода мы видим уже известную нам философскую интуицию соотнесения конкретного душевного и духовного состояния с общим пониманием жизни и человека, причем соотнесения с бытийно-антропологическими истоками личности. В дневнике Толстой пытается «кристаллизовать» экзистенциальный опыт в морально-философский, и эта глобальная целеустремленность («одержимость истиной», по Набокову) уже тогда мыслится Толстым как наиболее важное, безотлагательное, объемлющее всё остальное. Общее основание дает принципиальную возможность рассматривать идейно-образный строй ранней толстовской прозы как конкретное выражение внутренне подвижного интеллектуально-образного космоса в свете единства и преемственности ведущих принципов толстовской философии и художественной антропологии. Это означает и правомерность установления «совпадений» ранней прозы Толстого с позднее усвоенными идеями древнекитайской философии.

Во втором разделе **«Философская вера» Л.Н. Толстого и учения мудрецов Древнего Китая** характерен тот ряд, в который Толстой помещал философов Древнего Китая, – его можно назвать рядом «учителей человечества», давшим свет истины и мудрости. Имеющиеся исследовательские аргументы причин близости Толстого и восточной философии – историко-культурный интерес и мировоззренческое сходство – сами по себе справедливы, но плохо соотносятся друг с другом, поскольку не совпадают хронологически, а значит, не могут использоваться в тандеме. Если налицо мировоззренческая близость до

знакомства, то и сам интерес к Востоку и в частности к Китаю во многом продиктован внутренними духовными потребностями личности, не удовлетворяющейся общепринятыми ответами на «вечные вопросы» и современным нравственным состоянием общества. Таким образом, историко-культурный аргумент оказывается производным – но не от мировоззренческого (поскольку «философская вера» Толстого сформировалась позднее), а от того общего, что способно быть фундаментом и историко-культурного интереса, и формирующегося философского мировоззрения. Этим «фундаментом» и является «интуиция *Всего*», универсальное отношение человека к бытию, пантеистическое чувство «единства жизни» и естественное стремление к добру, прямая связь экзистенциального и морального, «философия морального усовершенствования» как практический вклад человека в «дело» бытия, универсальная религия как связь человека с человечеством и бытием через бога. Но и историко-культурный аргумент получает дополнительное освещение. Толстой искал в восточных культурах непреходящие духовные ценности. Механистический прогресс ради прогресса, богоборчество «фаустианского человека» западной культуры, насилие, возведенное в абсолют, – вот что не принимает Толстой.

Именно в общечеловечности и естественности «нравственного начала», возвышающего человека от низменной эгоистической суеты через открытие «божественного» в себе к подлинному бытию, заключается смысл той духовной революции, которую хотел провести Толстой. Особенное, оригинальное в соединяемых им элементах разных учений интересовало его как вклад в решение общей задачи человечества.

К христианским догматам Толстой подходит как, по его же выражению, «свежий человек», т.е. нуждающийся в вере, но не могущий принять на веру то, что явно противоречит его непосредственному чувству и опыту. Вера, помогающая разуму понимать и улучшать человека и общество, ценность «жизни действительной», а не придуманной – вот *credo* Толстого, и потому он так беспощаден к «извращениям», потому ищет и находит аргументы в других религиях и учениях. Для Толстого «божественный свет, сошедший с неба», и есть разум, которому надо служить и в котором надо искать благо, о чем, по Толстому, и говорили все истинные «учителя человечества».

Модернизаторские усилия Толстого по новому прочтению христианства столь радикальны, что возникает закономерный вопрос об аутентичности интерпретации Толстым китайской философии, получаемой писателем в переводах на европейские языки. Кроме того, что сам характер этой философии, существующей в виде изречений, требует не механического принятия, а расшиф-

ровки, толкования, герменевтических усилий, важно понимать: любое восприятие и толкование философии древности *априори является модернизацией*, поскольку жизнь человечества, сохраняя многие общие черты, с тех пор всё же радикально изменилась. Толстой смотрит на китайскую философию не как древний китаец, но как человек Нового, буржуазного, времени, в интеллектуальном багаже которого вся философская мудрость Европы с античных времен и христианство, нуждающееся, по Толстому, в реформации.

Религиозно-философский синтез Толстого – модернизаторская попытка глобальной Встречи цивилизаций на общечеловеческой основе, поэтому заимствованные им из китайской философии идеи встречаются с его собственными, протекающими из похожего *холизма* (представления о целостности мира). Общими являются не только исходная философская интуиция Целого, но и телеология – объяснить мир и человека без потери целостности, в том числе в ее человеческом (этическом) измерении. *Общее основание и цель и есть основной принцип использования Львом Толстым идей китайской философии.* Толстой стремится сохранять главное, не исказить сам дух чужой мысли – но в то же время, как модернизатор, использует ее выборочно и в произвольных сочетаниях, игнорируя различия (например, противостояние Лао-цзы и Конфуция или «ритуальность» философии последнего), ради того, что будет соответствовать его собственной философско-этической программе.

Толстому импонировало постоянное движение, саморазвитие мира и человека через противоположности, в чем-то родственное гераклитовой диалектике. У Гераклита разум-Логос созидает сущее из противоположных стремлений, и этот европейский приоритет разума Толстой не устранил совсем, а соединил с дао, которое не созидает из противоположного, а следует спонтанному ритму сущего. Дао выступало одновременно и как сама текучесть, и как жизненная энергия, принимающая у Толстого форму любви. Получала через Лао-цзы новую философскую мотивировку унаследованная Толстым от стоиков и Руссо идея «неделания» (недеяния) с целью уменьшения зла путем ограничения желаний, культивирования созерцательного, ненасильственного, «естественного» отношения к миру. Абсолютность неопределимого, «пустого», но естественного, как дыхание, дао интерпретировалась Толстым как искомое им господство естественного самоуправления в природных и социальных системах.

Толстой не только выступает с патриархальных позиций как общественный деятель – через «у-вэй» он противостоит самому духу всей западной цивилизации. Его устремление «вглубь», к сути бытия, противоположно вектору буржуазного прогресса, и заметно, что «у-вэй» стало высшей формой выраже-

ния его собственных выношенных убеждений. Созерцательный принцип Лао-цзы у Толстого модернизируется в принцип «антипрогрессистской» нравственности, причем надеяние – это не столько даже отказ от силы, сколько усилия по отказу от зла. Подобным же образом Толстой в своем религиозно-философском синтезе модернизирует и трансформирует конфуцианство.

**Глава II. Война и военный человек в художественном мире прозы молодого Толстого.** В первом разделе «**Концепт «война» и его значения в художественном мире ранней прозы Л.Н. Толстого и в древнекитайской философии**» указывается, что, жаждущий целостности нравственного сознания, Толстой не обнаруживает ее в современном ему мире и ищет причины разрушения, казалось бы, простых и ясных основ человеческого бытия. И если формулировки универсальной религии возникли в поздний период, то само философское мироотношение – экзистенциалистско-антропологическое «эмоционально-целостное отношение к людям и к миру» – формируется рано. Основными критериями при этом становятся непосредственное «чувство жизни» и нравственная самоочевидность, дополняемые рефлексией.

Война – предельное (и запредельное) воплощение человеческого насилия. Прекрасно зная и «техническую», и бытовую сторону войны, снискавший мировую славу своими батальными описаниями, Толстой, однако, подходил к самому феномену войны с максимально философских позиций. Во-первых, в восприятии, понимании и изображении войны Толстой отказывается от каких-либо батальных традиций и руководствуется исключительно своим экзистенциальным и нравственным чувством. Во-вторых, феномен войны уже для молодого Толстого предстает прежде всего с нравственно-философской точки зрения: убийство, привычно возведенное в принцип, – это и есть война, и самое главное, по Толстому, – не считать привычное правильным, не привыкать к тому, что противоречит добру и человечности. Пройдя Кавказ и Севастополь, Толстой, однако, понимает, что корни войны лежат глубоко в общественном устройстве и нравственном состоянии общества в целом.

Концепт «война» у Толстого многозначен, вбирает и универсальное, в том числе фольклорное, и индивидуально-авторское, в нем сочетаются историческое, экзистенциальное, этическое и мн. др. Чудовищность войны, не столь очевидная в кавказских произведениях, где все-таки речь идет об отдельных стычках и образе жизни «военного человека», в полной нравственно-философской мере раскрывается в «Севастопольских рассказах». Даже сцены перемирия, которыми завершается «Севастополь в мае», только усиливают ощущение абсолютной противоестественности всего происходящего, всей вой-

ны как она есть, со всеми ее причинами, мотивами и действующими лицами. Какими бы соображениями ни руководствовались воюющие, что бы ни становилось причиной войны, как бы сам автор ни прославлял героизм (простых русских солдат) – в основе толстовского отношения к войне лежит понимание того, что это нарушение главных основ жизни человека, и полная война человеческая история, по Толстому, как раз и подтверждает их привычную бессмысленность. Конечно, это говорит человек XIX века, за плечами которого опыт горькой истории, но во все времена звучали подобные голоса. Один из них, позже с восхищением отмеченный Толстым, – как раз голос Лао-цзы. Давая оценку войне, Лао-цзы исходит из своей универсальной концепции бытия, и созерцательный принцип дао приобретает здесь четкое этическое измерение: войны и жизнь по закону дао несовместимы. Войны порождают запустение и голод, нарушают естественное течение любой жизни, вызывают гибель раньше времени, «хорошее войско ненавидят все существа».

В основе реакции философа на войну должна лежать естественная человеческая реакция – вот в чем родство Толстого и Лао-цзы. Эта реакция – печаль, скорбь, но никак не радость: она всегда будет продиктована эгоистическими соображениями («самолюбиями», «звездочками» и т.п. у Толстого, «гордостью» у Лао-цзы). Лао-цзы настаивает, что полководец, побеждая, должен останавливать себя и своих солдат от продолжения войны, от эгоистического упоения победой, от гордости ею, потому что это прежде всего несчастье и убийство, а уже потом победа.

У Сунь-цзы война имеет бытийное измерение, это особый способ существования человека и государства, и дао может проявляться на войне как внутреннее единство воюющих. В таком смысле можно прямо сопоставить с этим своеобразным «дао войны» не только «скрытую теплоту патриотизма», о которой князь Андрей говорит Пьеру перед Бородинским сражением («Война и мир»), но и героизм рядовых защитников Севастополя. Однако высшая мудрость в том, что лучший способ победить – это суметь вообще избежать войны и потерь. Даже в трактате о воинском искусстве китайская философия близка Л.Н. Толстому своим предпочтением мирного решения конфликтных вопросов.

Война для военных – не только ужас, смерть и страдания, но и *дело*. Военный человек должен делать свое дело, это его едва ли не главное отличие от штатского. В то же время исполнять свой долг можно по-разному, и у данного вопроса есть совершенно четкое этическое измерение. О том, как отвратительны эгоистические человеческие устремления именно на войне, мы хорошо знаем по множеству сцен «Войны и мира» – но и в ранней прозе Толстого уже с

первого рассказа «Набег» появляется это начальственное пренебрежение к жизни собственных солдат, светскость, противостоящая всему подлинному и живому. Лицемерие, хвастовство, позерство нередко прикрывают откровенную трусость и подлость, самовлюбленный эгоизм, как в рассказе «Разжалованный». Толстой стремится сохранить объективный тон, но изображение подобных «героев» показывает его этическую непримиримость к недостойному дворянина и аристократа поведению. В этом обостренном внимании к этичности поведения можно уловить определенное сходство с философией Конфуция. Оно, конечно, заключается не в следовании ритуалам, на чем всегда настаивал Конфуций и на чем он строил саму систему общественного поведения, но в высокой требовательности к «благородному мужу», поведение которого должно укреплять основы всего общественного здания. «Благородный муж» «прежде осуществляет задуманное, а потом уже говорит об этом», «ко всем относится одинаково, он не проявляет пристрастия», «думает о морали», «не должен печалиться, что не имеет высокого поста» или что «неизвестен людям». Конфуций знает, *что* первично в следовании морали – среда или сам человек: «Если в словах искренен и правдив, в поступках честен и почтителен, то такое поведение допустимо и в государстве варваров. Если же в словах не искренен и не правдив, в поступках не честен и не почтителен, то разве в своей деревне такое поведение допустимо?» И прямо по контрасту с поведением героя толстовского рассказа звучит чеканная нравственная максима: «Благородный муж предъявляет требования к себе, низкий человек предъявляет требования к людям».

Конечно, термины «благородный» и «низкий» означают в понимании Конфуция прежде всего сословную принадлежность, однако в любом философском учении древности мы должны разделять его объективное историческое содержание (буквальные значения) и тот нравственно-философский потенциал, который и обеспечил ему бессмертие. Очевидно, что выдающийся этический пафос учения Конфуция важнее, чем историческая ограниченность самого философа, и потому мы можем «модернизировать» его взгляды именно так, как это сделает позже сам Толстой и как это делали поколения разных эпох.

Уже в самый ранний период творчества Толстой исходит не столько из сословно-аристократических мировоззренческих представлений, сколько из общечеловеческих этических принципов, соединенных с непосредственным «чувством жизни» и патриархальной «народностью». Этот, отчасти еще интуитивно-целостный, «корневой», а не внешне-социальный подход к бытию и сближает его с древнекитайской философией, за два с лишним тысячелетия до этого также посвященной осмыслению самих основ жизни человека в мире.

Во втором разделе «**Военный человек в прозе молодого Толстого: судьба, тип, характер**» объясняется, в чем состоит основной принцип толстовской характерологии. Природно-органическая основа жизнепонимания Толстого противопоставляется влиянию цивилизации. Уже в раннем творчестве художник черпает силы из этого источника – «непосредственного выражения красоты и добра». У молодого Толстого «примирительная красота и сила» природы включает в себя «естественное» насилие (с целью добычи пропитания, например, или воинственный уклад жизни горцев и казаков), но и позже, когда на этой основе вырастет отрицающая всякое насилие универсальная религия добра и любви, определенный приоритет «природного» сохранится. Вот почему, при всей сложности толстовской характерологии, ее основа – принцип соотнесения персонажа с «естественным» или «искусственным» началами жизни.

Толстой никогда не воспринимал солдата как нерассуждающий автомат – напротив, всегда показывал либо богатство и своеобразие народной природы, либо те бесчеловечные армейские условия муштры и издевательств, в которых человека и стремятся превратить в обезличенного покорного раба. Вопрос о солдате – один из главных в толстовском «проекте о реформировании армии» («Записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера»). Рациональное отношение к солдату автора проекта с практической стороны не отличается от выработанной веками полководческой мудрости (в трактате «Сунь-цзы»). Нравственно-философское *credo* Толстого и эти, казалось бы, сугубо практические вопросы связаны между собой напрямую: помочь русскому солдату обрести свой истинный облик для Толстого и есть его нравственное дело, потому что в основе лежит универсальное, а не сословное отношение к человеку (не случайно одной из главных отрицательных черт персонажей-дворян является их презрение к народу).

Создавая в военной прозе человеческие характеры, Толстой, как художник-реалист, многосторонен, однако вышеописанные этико-философские координаты позволяют сразу определить за любым внешним блеском «антигероев». Так, в рассказе «Севастополь в мае» образная система строится на противопоставлении офицеров-аристократов (с их тщеславием, двоедушием, карьеризмом, моральной ущербностью) и пехотных офицеров, вместе с солдатами совершающими свой ежедневный подвиг. Аристократическая отчужденность от людей, чувство самодовольного превосходства над другими – то, что безусловно осуждают в человеке и Толстой, и Конфуций. Ведь главной категорией нравственного учения Конфуция является понятие человеколюбия (жень), имеющее много значений: от почитания родителей до нравственного превосходства бла-

городного мужа над низкими людьми, от покоя до стремления к истине, от сердечной чувствительности до внутренней силы. Но в основе человеколюбия – следование высшему моральному принципу.

В прозе Толстого мы постоянно сталкиваемся с пониманием «цивилизованных» социальных отношений как разлагающих, уродующих человеческое естество, и здесь писатель бескомпромиссен с самого начала. Эгоистическое честолюбие и болезненное тщеславие разъедают души, даже если принимают внешне безобидный вид мечтаний. У толстовской характерологии (как и у всего остального) есть не только четкий нравственно-философский фундамент, но и главный принцип различения – «отрицательный» (фиксация того, насколько в человеке нарушено человеческое). Этот контраст природного (естественного) и социального хорошо известен китайской философии. В «Лунь юй» Конфуция сказано: «Все близки по изначальной природе, далеки по воспитанию». Если абстрагироваться от связи этического и сословного (а именно так и живет философское учение в веках), то Конфуций вывел чеканное общечеловеческое правило естественной морали, вполне подходящее под изначальное разделение толстовских героев: «Благородный муж думает о морали; низкий человек думает о том, как бы получше устроиться. Благородный муж думает о том, как бы не нарушить законы; низкий человек думает о том, как бы извлечь выгоду».

Четкое и трезвое представление Толстым истинных виновников Севастопольской трагедии – всей армейской системы с бездарностью и трусостью «паркетной» военной аристократии, взяточничеством интендантов, коррупцией, угнетенностью солдата и пр. – потом вырастет в беспощадное обличение всего «неподлинного» бытия светского общества в «Войне и мире». И этот путь так же органично приведет писателя к сближению с китайской философией, поскольку в ней есть четкие обобщающие представления о роли знати и полководцев в процветании страны.

Принцип контраста (истинное/ложное, естественное/искусственное, природное/социальное и т.п.) является определяющим в художественном мире Толстого, он же обуславливает и толстовское видение человека. Главный герой «Набега» капитан Хлопов сразу появляется как носитель самой простой и самой трудной истины, равно противостоящей и романтической браваде, и аристократическому тщеславию, и карьеризму, и малодушию. Итоговая «мораль» – «храбрый тот, который ведет себя как следует», – сразу ассоциируется у повествователя с философским определением храбрости у Платона, но соответствует и суждению из «Лунь юй»: «Я не возьму с собой того, кто [с голыми руками] бросается на тигра, переправляется через реку, [не используя лодку], гибнет, не

испытывая сожаления. Я обязательно возьму с собой того, кто в делах проявляет осторожность, тщательно все продумывает и добивается успеха».

Сочетание простоты и философской глубины в таком взгляде идет прямо из той сокровищницы коллективного опыта и мудрости, которая зовется народным миропониманием. Не случайно Хлопов противопоставлен романтическим удалцам – в его невоинственной фигуре «столько истины и простоты», что он, не понимающий, «зачем казаться», и есть «истинно храбрый». Быть, а не казаться – этот закон настоящего героя, хорошо известный нам по «Войне и миру», в полной мере проявляется уже в ранней прозе Толстого, и здесь писатель, всегда стремящийся от видимого к сути вещей, изначально созвучен древней мудрости. Как сказано в «Дао дэ цзин», «внешний вид – это цветок дао, начало невежества. Поэтому (великий) человек берет существенное и оставляет ничтожное. Он берет плод и оставляет его цветок. Он предпочитает первое и отказывается от второго».

И «талан» Хлопова, и смертная тревога Веленчука ставят проблему предопределения, судьбы, лишь отчасти зависящей от социальных обстоятельств. В китайской философии тема эта поднимается неоднократно. Размышления философов столь же многосторонни, сколь и поиски Толстого: на судьбу влияют самые разные факторы, некоторые из них выбираются самим человеком, а некоторые «выбирают» его как свое орудие. В конечном счете наиболее верным оказывается даосский путь смирения и недеяния.

Герои, подобные капитану Хлопову, внешне мало похожи на философов, но по сути своей близки к максимам «естественного» пути: они в совершенстве знают свое дело и свои способности («познали свою природу»), при этом скромны, чужды всякой рисовки и позерства, действуют ровно в той мере, в какой это им диктуют обстоятельства, не говорят громких слов, склонны не к болезненной рефлексии, а к молчаливой самоуглубленности, никогда не рассматривают других людей как средство для достижения своих целей, великодушны и человеколюбивы при всей внешней сдержанности. Можно сказать, что они близки к жизни по закону дао, обращенному не на внешнее, а на внутреннее в человеке. И, конечно же, путь естественности, дао, прямо противопоставлен эгоистическому карьеризму. Особенно четко это сформулировал Чжуан-цзы: «Я слышал, что человек, [постигший] дао, остается безвестным; [человек, обладающий] совершенными моральными качествами, ничего не обретает; большой человек лишен самого себя — таков предел ограничения судьбы».

**Глава III. Жизнь и смерть в ранней военной прозе Толстого.** В первом разделе «Жизнь и смерть как константы нравственно-философского созна-

**ния Толстого»** отмечается, что в интеллектуально-образном космосе писателя можно выявить некое начало, которое не просто стимулировало поиски и открытия, но завладевало его мыслями и духом, накладывало свою печать на каждое его творение. Это проблема жизни и смерти. Ее раскрытие связано у Толстого прежде всего с пониманием смысла жизни.

Если обращать внимания не на толстовские «крайности» (требование жить по-библейски – «В поте лица снеси хлеб, и в муках родиши чада»), а на главную мотивацию (неприемлемость для Толстого ощущаемого им повсюду разрушительного для нравственности движения цивилизации), то мы везде увидим одну и ту же бескомпромиссность в отстаивании нравственной истины жизни. Счастье человека, по Толстому, в том, чтобы жертвовать собой, отказываясь от эгоистической жизни только для себя и своих близких. Таким образом, решение социальных вопросов переводится в область исключительно нравственную. Это убеждение сложилось у писателя еще в молодости, что нашло отражение и в эмоционально-интеллектуальных размышлениях героя повести «Казачьи» – Оленина, и в отвержении любого, в том числе «законного» насилия для достижения цели. Толстой стремится указать пути, как сделать счастливой жизнь каждого человека и всех людей. Для этого, по его мнению, нужно одно: не быть виноватым друг перед другом, не поддерживать эгоистический, несправедливый порядок жизни, любить не себя, а других, всех, разумом преодолевать чувственные влечения. Эта мысль – главная в трактате «О жизни». Желание себе блага – основа жизни; но человеку нужно такое несомненное благо, которое не нарушалось бы борьбою, страданиями и смертью. Благо это, по Толстому, дается «подчинением животной личности закону разума».

Начав в молодости строить свою философию нравственного совершенствования личности, Толстой выступает в качестве модернизатора всего древнего знания. Он исходит из естественности добродетели, укорененности ее в самой жизни – социализация в современном мире нарушает и разрушает это естество, поэтому и сам вопрос о славе, почестях и наградах на пути совершенствования для Толстого изначально решен иначе, чем у Аристотеля. И здесь прекрасной иллюстрацией является Конфуций, его (позднее усвоенное, но совпавшее с собственным, выношенным) учение о середине, которое в изложении Толстого мыслится как духовное постоянство, обретенное добродетельным человеком на пути сдержанности и достижения внутреннего равновесия.

В книге «О жизни» Толстой вновь и вновь повторяет свою излюбленную мысль, что человек может быть счастлив и спокоен, если сумеет соединить свою жизнь с «жизнью мира». Тогда обретаются «жизнь, не могущая быть

смертью, и благо, не могущее быть злом». Из первоначального заглавия «О жизни и смерти» Толстой исключил слово «смерть», как ненужное, лишнее. Думается, такой ход продиктован и народными воззрениями, в которых смерть есть зло, которое может быть избыто, побеждено добром. Однако «вечные вопросы» потому и вечные, что ни один, даже самый вдохновляющий, философский ответ не является исчерпывающим (о чем говорит и знаменитый предсмертный уход Толстого из дома). Тем более это относится к художественному творчеству, которое нацелено на постижение и изображение сущностных начал бытия: жизнь и смерть, свет и тьма и др.

Предметом, на который неизменно была устремлена душа Толстого, была смерть не как метафизически случайный факт, но как ее завершение и ее отрицание, как загадка, являющаяся загадкой самой жизни. Опыт смерти невыразим, его нельзя передать простыми человеческими словами, а, с другой стороны, художественное моделирование смерти – это моделирование жизни, у которой вдруг четко обозначена граница. Поэтому «опыт смерти другого» в литературе – это своеобразная «репетиция», позволяющая поставить все главные вопросы человеческого существования.

В древнекитайской философии вопросы взаимосвязи жизни и смерти ставились и решались по-разному. Наиболее древний вариант предполагает, что все происходит по воле Неба (высшей инстанции в мифологии и ранней философии) и по закону судьбы. Однако были и учения, отвергающие мистицизм и переводящие жизнь и смерть в план «естественного» хода вещей. Это даосская традиция, и прежде всего Ян Чжу. Он сразу, как и Толстой впоследствии, отвергает эгоистическую суету, связанную с земной выгодой.

В то же время философ в духе даосизма стремится установить равновесие и здесь, и возникает своеобразный фатализм. Фатализм, как хорошо известно по «Войне и миру», Толстому не чужд, однако его неустанный нравственный поиск тем не менее вовсе не по-даосски исполнен постоянной тревоги. Дело не только в нравственном состоянии мира, но и в том, что поиск ведет личность XIX столетия, для которой мировоззренческая и психологическая гармония, достижимая древними, – почти недоступная цель. Тем значимей обнаруживаемые совпадения, показывающие, что человечество на протяжении тысячелетий в конечном счете волнуют одни и те же вопросы. Не будучи «даосом», Толстой потому и откликнется на философию Лао-цзы, что ее фундаментальное основание в решении всех вопросов – ориентация на «естественное» течение жизни. При любом повороте мысли Толстого эта ориентация сохраняется, и в таком понимании коренное соотношение жизни и смерти в китайской философии мо-

жет служить своеобразным ориентиром при всех различиях, так как естественность дает возможность примирения, гармонизации начал, недостаток чего так остро ощущал Толстой в современном ему мире.

Например, у Ян Чжу (пусть и приходящего к несколько иным выводам) в синкретической форме содержатся важные основания будущего мировоззрения Толстого: «природность» человека как изначальное его родство со всем сущим, «натурфилософское» понимание необходимости разума (как компенсации за недостаточную природность) и неуместности насилия, вовлеченность тела в мировой процесс жизни и смерти и естественность умирания.

Толстой апеллирует к доцивилизационным первоначалам жизни (и хронологически – к раннему детству, и исторически – к жизни менее затронутых современной цивилизацией народов). Поиск истока и образцов в прошлом, единый вектор «назад» означают глубокую неудовлетворенность мыслителей развитием общества и человека и одновременно – ориентацию на глубинные основы жизни, которые, по мысли мудрецов, в прошлом были человеку доступнее. Таков – при всех различиях – общий мифологизирующий «ретро-вектор» мышления и Чжуан-цзы, и Руссо, и Толстого.

Во втором разделе **«Танатологические мотивы ранней военной прозы и путь к истинной жизни в повести «Казачи»** показано доминирование темы смерти в военной прозе. В рассказах «Набег», «Рубка леса», «Как умирают русские солдаты» гибель солдата – момент кульминационного напряжения в сюжете произведения. Смерть сразу убирает из жизни все суетное и заставляет умирающего и окружающих воспринимать бытие в его обнаженной сути. Иными словами, Толстой не просто рисует смерть – он моделирует сущность жизни в присутствии смерти. В кавказских произведениях писатель еще только находится на пути к поиску путей изображения смерти «изнутри», то есть из сознания умирающего человека, что произойдет в севастьяпольской трилогии.

Герои военной прозы поставлены в экстремальные условия (существование на грани жизни и смерти), в которых проявляется истинная сущность характеров. Проблема поведения героя в «пограничной ситуации» становится для писателя одной из главных в этот период творчества, как и проблема соотношения понятий «добродетель» и «порок». Возможность смерти позволяет автору показать отличие истинной добродетели от ложной. Уже в «Набеге» для более последовательного решения танатологических, философско-этических и эстетических проблем писатель строит свое произведение на принципе параллелизма: мир людей – мир природы; солдаты – офицеры; офицеры, определяющие линию поведения в соответствии с общественным мнением, – капитан

Хлопов. Мнимые добродетели большей части офицеров проявляются в коллизиях столкновения со смертью, и тогда персонажи пытаются скрыть свой страх за маской равнодушия и ложного спокойствия. Гибель других людей не воспринимается ими через призму собственного «Я».

Зарисовка отдельных эмоциональных состояний, связанных с ожиданием смерти, присутствует в рассказе «Рубка леса». В «пограничной ситуации», которую герои не в силах изменить, они обращаются к Богу. Поэтому большую роль в танатологии Толстого играют религиозные переживания, характеризующие отношение персонажа к потенциальной смерти. Они свидетельствуют о высоком душевном и эмоциональном напряжении, готовности в любую минуту уйти в мир иной. Своеобразной смысловой вершиной текста является описание кончины Веленчука, при этом мотив смерти предваряется мотивом сна и смерть приобретает некоторые черты одушевленного существа.

В рассказе «Севастополь в декабре месяце» танатологические мотивы пронизывают все произведение, являясь своеобразным «скрепом» повествования. Картины умирания создают эффект нагнетания, поскольку писатель использует натуралистические элементы при описании страданий раненых. Можно сказать, что цель автора – показать не героические подвиги, а героическое искусство умирания русского солдата.

Импульсом к «самораскрытию» персонажа из офицерской среды часто становится именно мысль о смерти, ее предчувствие. Встреча со смертью обнажает существо человека. Так, в рассказе «Севастополь в мае» в экстремальной ситуации оказываются Михайлов и Праскухин. Они оба мечтают о славе, однако Праскухин труслив, бестолков, безволен, исполнен аристократического зазнайства, чувства мнимого превосходства над «плебейскими» офицерами (что не мешает ему одалживать у Михайлова деньги). Вместе с тем образ Праскухина не лишен известного трагизма. Ведь его смерть ни в ком не вызвала серьезных раздумий – как и он сам тоже «не заметил» бы смерти своего собутыльника или партнера по преферансу. В его жизни нет настоящих привязанностей, он никому не нужен; его тщеславие, внутренняя опустошенность и ничтожество вызывают скорее презрение, чем гнев.

Описание предсмертных ощущений Праскухина придает его образу настоящий трагизм – умирающий человек вдруг способен к самопознанию, к прикосновению к самым основам человеческого бытия. Это же переживает и Михайлов – легко раненный осколком камня в голову, он уже мнит себя убитым и с трудом заставляет себя поверить в то, что выжил. Однако, как только ему это удастся, всплывает мысль о возможной награде, что, конечно же, было бы и с

Праскухиным, останься тот жив. Согласно толстовскому пониманию жизни и смерти, «цивилизованность» (практически синоним эгоизма, лживости, тщеславия, трусости) в предсмертный момент отступает, и обнажается та единая природная основа, о которой писали и китайские философы, но счастливое возвращение к жизни парадоксально отдаляет неподлинно жившего героя от ее сути. Так смерть оказывается «правдивей» неподлинной жизни.

Братьям Козельцовым Толстой не дает однозначной оценки: например, старший, играя в карты с другими офицерами, участвует во взаимном обмане, однако во время обороны ведет себя достойно. Старший Козельцов одновременно и хорош и плох, он даровит, но даровитость его мелкая. По такому же принципу писатель строит и образы многих других своих героев: отрицательное в них смешано с хорошим, или, вернее сказать, в разные моменты жизни проявляется разное. Можно сказать, что Толстой постигает ту сложность человеческой личности, которая заключается в своеобразной стихийной диалектике, движении и борьбе противоположностей. Для китайской философии подобное в принципе является основанием бытия и сутью человеческой природы. Толстой так же постоянно открывает изменчивость, относительность явлений мира, и даже безоговорочные этические критерии добра и зла, истинного и ложного, естественного и искусственного осуществляются в конкретной жизни и конкретной смерти индивидуально, что делает саму оценку персонажа движущейся. Так, старший Козельцов перед боем всю ночь играл в карты. Когда бой начался, он проснулся, испугался, что его примут за труса, кинулся в гущу боя, чтобы быть вместе со своими товарищами по оружию, – и погибает как герой.

Особое место в ряду произведений молодого Толстого занимает повесть «Казачи». Изображение казачества в повести многосторонне: есть любовь к воле, но есть и привычная тяга к войне и грабежу, есть уважение к другим народам, но много и сознания своей исключительности. Московский дворянин Оленин, уставший от бессмысленности и пустоты жизни, прощается со своими друзьями и уезжает на Кавказ, куда он зачислен юнкером.

Оленин любит дикой природой, слушает наставления и размышления Ерочки, открывает для себя мир казачества, влюбляется в Марьяну. Он стремится постепенно все больше и больше слиться с окружающей жизнью. Герой все более проникается ощущением, что самое главное в жизни человека – это природа. Можно сказать, что Оленин, учась слышать мир, погружаясь в него, идет по дороге самосовершенствования, приобщается к дао. Он не приемлет насилия и, открываясь миру, в чем-то уподобляется естественно текущей воде, которую Лао-цзы сравнивал с высшей добродетелью. На своем пути нравствен-

ного самосовершенствования герой ищет не крайностей, но гармонического вхождения в мировое бытие. Этот путь сложен, поскольку он пролегает между разным пониманием свободы и этических заповедей, и постоянное стремление Оленина отыскать некий баланс между «дикостью» и духовностью можно соотнести с конфуцианским учением о середине. Не случайно, что, постигая наедине с природой счастье жизни, Оленин естественно приходит к тому представлению о жизни, которое Толстой сделает смыслом своей деятельности: «...человек убил другого, и счастлив, доволен, как будто сделал самое прекрасное дело. Неужели ничто не говорит ему, что тут нет причины для большой радости? Что счастье не в том, чтобы убивать, а в том, чтобы жертвовать собой?» Для героя открывается тот самый путь всеобщей любви, который Толстой потом с восхищением откроет для себя в учении Мо-цзы.

Однако для современного героя, на время приобщенного к естественной жизни, всё не так просто. Как бы тонко ни чувствовал Оленин природу, как бы ни понимал окружающую жизнь, как бы ни ощущал свое мифологическое родство с оленем, — она не принимает его, и он с горечью осознает это. К тому же «дикая» жизнь вовсе не так идиллична, и пантеизм Оленина (и Толстого) должен был рано или поздно столкнуться с духовной бескомпромиссностью. Ближе к финалу повести «Казачьи» мы и наблюдаем эту коллизию.

**В ЗАКЛЮЧЕНИИ** подводятся итоги исследования. Л.Н. Толстой – писатель-философ, на протяжении всего творческого пути разрабатывавший один и тот же круг взаимосвязанных идей и проблем: поиски нравственной истины в «цивилизованном» мире, где постоянно нарушаются заповеди; проблема путей нравственного становления и самосовершенствования личности; проповедь любви и отрицание насилия как единственный истинный путь жизни во все времена; бытие как «естественный» дар и благо, которые человек должен суметь принять; жизнь человека как следование высшему закону, который гласит, что человек живет не для себя, а для других, и что только в единении с людьми жизнь приобретает высокий смысл – и т.д. Несмотря на сложности и противоречия, единство *интеллектуально-образного космоса* Толстого проявляет себя во всем, что он делает, на всем протяжении его творчества. Именно благодаря этому «сознанию жизни», основанному на «интуиции *Всего*», когда ищущий разум исходит не из абстрактных схем или эгоистичной индивидуации, а из непосредственного чувства бытия, которое объединяет человека со всеми людьми, – мы обнаруживаем в ранней военной прозе Толстого, пусть и в незаконченной форме, его главные мысли и принципы, которые позже приведут писателя-философа к попыткам создания универсальной религии.

Мысль Толстого всегда устремлена через индивидуально-неповторимое и конкретно-образное ко всеобщему, к смыслу человеческой жизни и назначению человека. Не случайно и любая историческая религия оказывалась для него тесной и недостаточной, так как не учитывала *весь* опыт человечества, и только синтез религий казался Толстому истинным учением. Эта пропущенная через собственный жизненный, душевный, духовный опыт «всеобщность» переживания и понимания своего существования продиктовала особый колорит толстовской военной прозы: война есть испытание человека и человечества на главные принципы жизни и смерти, добра и зла, естественности и фальши, мудрой народной простоты и слепого сословного самодовольства, жизни для себя и для других. Потому такими многообразными оказываются и параллели толстовской мысли и образности с идеями древнекитайской философии: китайские философы, впоследствии вошедшие для Толстого в круг «учителей человечества», оставили непреходящие по своему значению суждения, касающиеся всех тех основных общечеловеческих вопросов, которые ставил Толстой. Отсюда и возможность проводимой Толстым модернизации, отрывающей идеи китайских философов от той социально-исторической почвы, на которой они выросли, и переводящей эти идеи в разряд «вечной мудрости».

Можно сказать, что их внутреннее сближение происходит вне времени – на тех самых глубинах человеческого бытия, которые всегда были предметом напряженного внимания ищущей мысли и нравственного чувства людей, стремящихся найти великую истину, связующую индивидуальное и сверхличное по законам добра и любви.

**Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:**

- 1. Чжэн Луянь. Фольклорные мотивы в военных рассказах Л.Н. Толстого // Филологические науки. Вопросы теории практики. Тамбов: ГРАМОТА, 2014. №12(42). Часть 3. С.207-209. (0.5 п.л.)**
- 2. Чжэн Луянь. Тема смерти в повести Л.Н. Толстого «Казачьи» // Филологические науки. Вопросы теории практики. Тамбов: ГРАМОТА, 2015. №3(45). Часть 2. С.208-211. (0.4 п.л.)**
- 3. Тамаев П.М., Чжэн Луянь. Военный человек в рассказе «Набег» Л.Н. Толстого: характер, судьба, тип // Научное мнение. СПб: Санкт-Петербургский университетский консорциум, 2015. № 8. С.62-65. (0.5 п.л.)**

4. Тамаев П.М., Чжэн Луянь. Военный человек: характер, судьба, тип в военной прозе Л.Н.Толстого // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки», 2015. ФГБОУ ВПО «ИГХТУ», Т.6. Вып. 3. С.223-228. (0.5 п.л.)
5. Чжэн Луянь. Человек на войне в творчестве Л.Н. Толстого: нравственный и эстетический аспект // Русский язык в международной коммуникации: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию кафедры практического русского языка ИвГУ. Иваново, 6 сентября 2012 г. Иваново: Иван.гос.ун-т, 2012. С.189-193. (0.5 п.л.)
6. Чжэн Луянь. Человек на войне в творчестве Л.Н. Толстого: (рассказ «Как умирают русские солдаты») // Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Часть IV. Научная конференция. Язык. Литература. Массовые коммуникации. Иваново, 23-27 апреля 2012 г. Иваново: издательство «Ивановский государственный университет», 2012. С.128.(0.1 п.л.)
7. Чжэн Луянь. Военный человек в прозе Л.Н. Толстого: судьба, характер, тип // Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Часть IV. Научная конференция. Язык. Литература. Массовые коммуникации. Иваново, 21-25 апреля 2014 г. Иваново: Издательство «Ивановский государственный университет», 2014. С.83. (0.1 п.л.)
8. Чжэн Луянь. Характер, тип, судьба в военной прозе Л.Н. Толстого // Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Часть IV. Научная конференция. Язык. Литература. Массовые коммуникации. Иваново, 20-24 апреля 2015 г. Иваново: Издательство «Ивановский государственный университет», 2015. С.70. (0.1 п.л.)